

ББК 81
УДК 80/81
3 91

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16095

3 91 **Зубкова Л. Г.**
Теория Языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцен-
тризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 624 с. — (Studia Philologica.)

ISBN 978-5-9907947-1-9

В книге анализируются ключевые философско-лингвистические и лингвистические концепции начиная с Античности до наших дней, т. е. показаны истоки и эволюция идей, заложивших основы современного понимания природы и сущности языка.

Прослеживается разработка таких проблем, как объект, предмет, метод и структура языкознания; его место в системе языка; функции языка; язык и общество; язык — мышление — действительность; языковой знак; язык и речь; система и структура языка; общее, особенное и отдельное в языке; природа межъязыковых различий; развитие языка.

Выявлены принципиальные расхождения в решении названных проблем между системными лингвистическими концепциями И. Г. Гердера, В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, исходящими из диалектического триединства мира, человека и языка, и аспектирующими концепциями А. Шлейхера, Г. Пауля, Ф. де Соссюра, метафизически противопоставляющими природное и социальное, физическое и психическое, индивидуальное и общественное в человеке и его языке.

Для студентов и аспирантов филологических специальностей, а также читателей, интересующихся теоретическими вопросами языкознания, его эволюцией.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-9907947-1-9

9 785990 794719 >

© Л. Г. Зубкова, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

<i>Глава пятнадцатая. А. Д."Кошелев.</i>	534
1. От кризиса в лингвистике и других когнитивных науках к его преодолению путем нового синтеза	537
2. Референциальный подход к лексической семантике	539
2.1. Сенсорная лексика	539
2.2. Структура лексической полисемии	546
3. Базовые концепты как нейробиологические коды памяти	548
4. Элементы сенсорной грамматики	551
5. Сенсорное предложение. Сенсорный язык. Когнитивный язык мысли.	559
<i>Заключение.</i>	563

Г. П. Мельников осуществляет *синтез морфологической классификации языков со стадильной* [Мельников 2000], что согласуется с учением В. фон Гумбольдта о развитии грамматических форм — от отсутствия форм через их аналоги к под-линным формам [Гумбольдт 1984: 343–344].

А. Д. Кошелев делает следующий важнейший шаг — к *синтезу когнитивной и языковой способностей* в их взаимосвязанном развитии, к системному единству *универсального и специфического, абстрактного и конкретного* в языке. Он исходит из закономерностей в познании объекта — *от нерасчлененного самого общего представления об объекте к выделению в нем отдельных аспектов* и далее к *синтезу* накопленных таким образом *знаний о различных сторонах объекта в системном целостном его представлении*.

Противопоставив универсальное специфичному, А. Д. Кошелев выделяет две глобальные парадигмы в эволюции теории языка — Универсальную и Лингвоспецифичную [Кошелев 2014в: 221]. В соответствии с развитием знания о языке они определяют цикл развития в направлении *от синкретичной целостности знания к развивающейся дифференциации универсальной и лингвоспецифичной парадигм и далее к системной целостности синтетической универсально-специфичной парадигмы*. Лингвистика XXI в. должна стать следующим этапом в развитии синтезирующих системных учений о языке [Там же: 228–232].

А. Д. Кошелев предлагает построить *заново всеобъемлющую всестороннюю* теорию языка *в синтетическом взаимодействии* лингвистики с *все* кругом наук о человеке, что означает переход к *новой* единой когнитивной парадигме, не ограниченной традиционно выделяемыми когнитивными науками [Кошелев, в печати: 45–46].

Руководствуясь новым пониманием когнитивного подхода, с конца XX в. А. Д. Кошелев осуществляет референциальный анализ лексики и элементов сенсорной грамматики [Кошелев 1996].

Как пишет автор в своей итоговой анализируемой здесь книге (она готовится к печати), он исходит из того, что «наряду с функцией общения язык несет и другую (столь же важную) функцию: описание воспринимаемой действительности... которая не может эффективно реализовываться без референциальных значений».

Эти же значения (а не чисто языковые) лежат в основе языковой классификации действительности» [Кошелев, в печати: 189].

Придерживаясь когнитивного направления, А. Д. Кошелев дополняет референциальный подход к сенсорным элементам концептуальным. Поскольку первыми у ребенка формируются родовые категории, внимание автора сосредоточено на базовых концептах, т. е. на когнитивных понятиях, задающих родовые категории [Там же: 197]. Помимо визуальной формы предмета и визуального действия с ним, в формулу базового концепта, согласно А. Д. Кошелеву, должны быть включены две функциональные характеристики — *функция предмета* и *психофизическое состояние человека*, осуществляющего данное действие. Первая характеристика относится к предмету, вторая — к человеку [Там же: 200]. Под психофизическим состоянием автор понимает «нейронный код долговременной памяти..., фиксирующий типизированное текущее действие человека, т. е. двигательный концепт» [Там же: 221]. Так *в формуле базового концепта мир внешних явлений оказывается связанным с внутренним миром человека*.

Вслед за сенсорной лексикой автор рассматривает значение простого сенсорного предложения, в котором все слова являются сенсорными и употреблены в основных значениях [Там же: 283]. Учитывая, что «...важнейшими для человека внешними событиями являются наблюдаемые (текущие) изменения, происходящие в окружающем мире», «...исходными когнитивными единицами представления действительности и являются для человека элементарные изменения», иначе говоря, предметно-двигательные события [Там же: 284]. Первоначально человек воспринимает их синкретично. В классе визуально и функционально сходных событий «каждое событие непосредственно распознается как тождественное протоконцепту», т. е. обобщенному событию, отражающему внешний облик и интерпретацию наиболее типичных событий класса [Там же: 285].

Главное свойство детских протоконцептов — синкретизм, синтез различных характеристик, так что «ребенок и не может ни манипулировать мысленно этими характеристиками, ни называть их по отдельности, только — в совокупности» [Там же: 289]. В процессе развития протоконцепт делится на предметную и двигательную части. Далее двигательная часть членится на двигательный концепт и отдельные роли. Затем начинается этап интеграции. «Тем самым синкретичный протоконцепт преобразуется в систему концептов (своих частей)» [Там же: 290].

Как видно, по А. Д. Кошелеву, в развитии детских представлений о мире действует тот же фундаментальный принцип, что и в эволюции общей теории языка.

В заключение анализа сенсорного предложения А. Д. Кошелев предлагает новое понимание *когнитивного языка мысли*. Оно опирается на различение единиц двух уровней — *перцептивного* и *концептуального*. Несмотря на отличия в составе единиц на данных уровнях, элементы и конструкции концептуального уровня (вплоть до значения предложения), будучи сенсорными, подобно элементам перцептивного уровня обладают структурой «визуальный Прототип ← Интерпретация». Соответственно, в определении А. Д. Кошелева, «концептуальные единицы суть

структуры перцептивных и функциональных единиц, их интерпретирующих» [Кошелев, в печати: 306–307].

На основании проведенного в книге анализа автор предлагает следующую диахроническую формулу языка:

«Естественный язык = Сенсорный подъязык \Rightarrow Производный язык, где стрелка \Rightarrow обозначает метафорические и метонимические переносы основных значений единиц сенсорного подъязыка» [Там же: 307].

Эта формула имеет *фундаментальный* характер. В частности, она «позволяет объяснить диахронический процесс усвоения ребенком родного языка» [Там же] в социальном общении, прежде всего с матерью, благодаря их «совместным намерениям» [Томаселло 2011: 31, 69, 77–78 и др.].

Углубленный анализ языка в синтезирующих концепциях Г. П. Мельникова и А. Д. Кошелева, по сути, подготавливает разрешение кризиса в языкознании и когнитивных науках, требуя отказа от Вавилонского подхода [Мельников 2000; Кошелев 2013б], которым отличаются в своих исследованиях разнородные аспектирующие концепции современности.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

А. Д. КОШЕЛЕВ

Отношения между миром внешних явлений и внутренним миром человека, между действительностью, мышлением и языком занимают центральное место в теории языка. Однако реальные механизмы связи между ними, по сути, оставались нераскрытыми до конца XX в.

Выявление таких механизмов становится возможным на основе развиваемой А. Д. Кошелевым *когнитивной теории семантики*, совмещающей референциальный подход к языку с концептуальным.

Их прообразом, по-видимому, является выделенное в античности противопоставление двух миров. С одной стороны, это «область зримого» (чувственный мир), с другой — «область умопостигаемого» (мир идей).

В учении основоположника теоретического языкознания В. фон Гумбольдта различаются два типа мышления — доязыковое и языковое. Доязыковое мышление, служащее материалом для языка, не связано «прочными и четкими узлами звука». Оно неопределенно [Гумбольдт 1985: 406] и бесформенно [Там же: 364], представляя собой «совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [Гумбольдт 1984: 73].

Позиция А. Д. Кошелева четко заявлена уже 20 лет назад в статье «Референциальный подход к анализу языковых значений» [Кошелев 1996]. Согласно автору, «...первичной феноменологической данностью является начальное представление об окружающей действительности, основанное на ее чувственном восприятии. Относительно этого представления естественный язык и порождаемое им понимание действительности феноменологически вторичны. *Познание действительности посредством языка начинается у человека не с нулевого уровня знаний о мире, а с некоторого уже имеющегося в его мозгу первичного (доязыкового) концептуального представления.* Оно формируется в первые месяцы жизни отдельными (неязыковыми) понятийными и логическими механизмами в процессе непосредственного чувственного освоения этого мира» [Там же: 136: выделено мною. — Л. 3.].

«...Первичные концепты — значимые для языка обобщения элементов... дискретного представления [ребенка] о мире». Определяя концепт «предмета», автор

трактует его «...как результат двухэтапной абстракции первичных перцептивных впечатлений воспринимающего субъекта» [Кошелев 1996: 138]. На первом (языковом) этапе абстракции представлен «...пока не предмет, а как бы целостный “предмето-процесс” — синтетический набор статических и динамических (зависящих от времени) характеристик» [Там же: 139]. «Второй, индуцированный языком, этап абстракции — это разложение цельного “предмето-процесса” на предметную и процессную составляющие» [Там же].

Таким образом, автор оперирует двумя подходами — референциальным и концептуальным, внося существенные коррективы в понимание языка как отражения реальной действительности.

Будучи одной из составляющих в наивной картине мира носителя языка, предметная лексика занимает особое место в отражении наивной предметной классификации мира. В статье «О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации» [Кошелев 2006] автор основывается на том, что «лексическое значение предметного существительного — это комплексное описание класса его референтов как ячейки (таксона) наивной предметной таксономии носителя языка» [Там же: 516]. Соответственно, схема лексического значения — это совокупность характеристического и прототипического компонентов и их коммуникативные функции. Центральные понятия статьи — предметный признак и партитивная модель референта. Анализируя партитивное значение генетивной группы *УХ-а*, автор с ее помощью изучает партитивную структуру референтов разных типов: артефактов, натуральных предметов и живых организмов. Таким образом определена семантическая схема предметного существительного и рассмотрена роль ее компонентов в осуществлении языковой коммуникации.

В статье, посвященной И. А. Мельчуку, «Значение слова как генеративный комплекс...» [Кошелев 2012] А. Д. Кошелев, рассматривая значение слова в диахроническом аспекте, показывает «необходимость строгого различения в значении слова двух относительно независимых составляющих: **когнитивной (ядерной)** — структуры концептов, на основе которых порождаются (→) новые узуальные и окказиональные значения слова, и **языковой (периферийной)** как набора порожденных ранее и уже устоявшихся смыслов, управляющих узуальными употреблениями слова» [Там же: 301].

Так как многозначность — «характеристическое свойство языка», статья «О семантической категории слова, ее структуре и механизмах образования» представляет собой попытку «построить теорию лексической полисемии, которая... а) объясняет механизмы микродиахронии (образование и изменение) многозначности и б) описывает процессы онтогенеза многозначности (как она возникает у ребенка, осваивающего родной язык)» [Кошелев 2014б: 136].

Значительным вкладом в когнитивную теорию семантики является книга «Когнитивный анализ общечеловеческих концептов», вышедшая в свет в 2015 г.

А. Д. Кошелев убежден, что любая семантическая теория должна носить объяснительный характер и удовлетворять трем необходимым фундаментальным принципам:

«1) объяснять механизм образования новых лексических значений слов носителями языка;

2) объяснять механизм формирования у ребенка первых представлений о лексических значениях слов;

3) опираться при определении лексических значений не на вербальные описания (толкования), а на специальную систему когнитивных понятий» [Кошелев 2015а: IV].

В книге анализируется конкретная и абстрактная лексика. Основное лексическое значение конкретного сенсорного слова задается «дуальной структурой когнитивных единиц “Прототип — Ядро”, где Прототип — это *визуальная* характеристика типичных референтов слова (он помогает *понять* услышанное слово), а Ядро — *функциональная* характеристика всех элементов слова (оно обеспечивает его *референцию*)» [Там же: аннотация]. У основного значения абстрактного слова главный компонент — семантическое Ядро — всегда имеется, тогда как прототипический компонент факультативен. В случае его отсутствия «основное значение слова представляется только ядром» [Там же: 145].

Поэтому, осуществляя референциальный анализ основных значений конкретной и абстрактной лексики, автор главное внимание уделяет «изучению и описанию семантического ядра — содержательного компонента основного значения слова, задающего строгую категорию прямых референтов слова» [Там же: 25].

В определении А. Д. Кошелева, «...Прототип и Ядро — суть самостоятельные когнитивные единицы разной природы, хранящиеся в отдельных ячейках лексикона — области долговременной памяти, содержащей данные о лексике языка. Там же хранится и связывающее их отношение интерпретации, реализующееся как устойчивая ассоциативная связь между ними» [Там же: 17].

Так по существу уже здесь раскрывается понятие «когнитивный язык мысли», о чем подробнее в последней книге автора, анализируемой ниже.

Предваряя последнюю (еще не изданную) книгу, в которой рассматриваются наряду с сенсорной знаменательной лексикой элементы сенсорной грамматики, А. Д. Кошелев в 2016 г. публикует статью «О структурном и генетическом сходстве лексических и грамматических значений».

В специальном когнитивном языке мысли автор различает визуальные (шире — перцептивные) и функциональные (шире — интерпретационные) когнитивные единицы. «*Визуальные* единицы — это типизированные продукты **восприятия** видимого мира — типичные образы предметов, действий и свойств, а *функциональные* единицы — это типизированные продукты человеческого **осмысления**, или интерпретаций (←) визуальных единиц» [Кошелев 2016: 20]. «...Дуальная структура со строгим разделением прототипа и ядра свойственна любому языковому

значению, как лексическому, так и грамматическому» [Кошелев 2016: 20]. Она представлена в двух структурах:

(А) Основное значение = визуальный Прототип ← семантическое Ядро.

Далее от *Основного значения образуются производные значения*. Соответственно, (В) «структура значений сенсорного слова имеет вид:

Основное значение — множество производных от него значений (метафор и метонимий)» [Там же: 22].

«В структурном и генетическом плане лексические и грамматические значения сенсорных единиц языка неразличимы» [Там же: 25].

Среди рассматриваемых грамматических категорий особенно показательна категория залога, в которой благодаря различению трех залогов — актива, пассива и рефлексива — отражаются важнейшие изменения объекта, происходящие в мире: *независимые* (актив), *зависимые* (пассив), *одновременно независимые и зависимые* (рефлексив). Выявленные при анализе залоговые значения удалось представить «в виде разветвляющейся цепочки, звенья которой связаны метафорическими и метонимическими переходами» [Там же: 27–29].

1. ОТ КРИЗИСА В ЛИНГВИСТИКЕ И ДРУГИХ КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ К ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПУТЕМ НОВОГО СИНТЕЗА

Разные проявления кризиса в языкознании и вообще в когнитивной сфере живо волнуют А. Д. Кошелева. Этой проблеме посвящена специальная статья «Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня» [Кошелев 2013б]. Она же обсуждается в обширном послесловии автора к книге У. Т. Фитча «Эволюция языка» [Кошелев 2013а], а также в статьях [Кошелев 2014а; 2015б].

Ослабление влияния структурализма способствовало кризису теоретической лингвистики во второй половине XX в. Кризис в лингвистике усугубляется тем, что с того же времени — с 70-х гг. XX в. — кризисная ситуация охватила и другие когнитивные науки, причем каждая из них существует изолированно от остальных: «каждая конкретная наука развивается независимо, в соответствии со своим собственным видением своего предмета — того или иного аспекта знаний о человеке и его деятельности. Как будто этот аспект существует как самостоятельное целое, отдельно от других аспектов — предметов исследования других наук о человеке» [Кошелев, в печати: 51]. Это, естественно, «сказывается на их развитии самым пагубным образом» [Там же].

Неудивительно, что в настоящее время и в языкознании, и в других когнитивных науках царит концептуальный антагонизм, препятствующий их развитию.

С позиций А. Д. Кошелева, язык как предмет лингвистического исследования обладает тремя отличительными чертами.

1) Он не может быть абстрагирован от **среды общения**. Поэтому недопустимо игнорировать при его изучении следующие аспекты человеческой деятельности: *мышление*, ментальную репрезентацию *мира*, речевую деятельность в *социальной сфере*, эмоции, действия, соучаствующие в происхождении языковых выражений.

Соответственно, в исследование языка должен быть включен весь круг наук о человеке, входящих в единую когнитивную науку.

2) Человеческий язык, усваиваемый ребенком, полностью зависит от речи родных и близких.

3) Отличительной чертой конкретных человеческих языков является «непрерывное и быстрое изменение» [Кошелев, в печати: 39–40].

«...Отмеченные выше специфические свойства языка (взаимодействие в процессе функционирования с другими человеческими подсистемами и непрерывность происходящих в нем изменений) на изучение языковых структур оказывают минимальное влияние, особенно в условиях *доминирования синхронического подхода*. Поэтому, при всем своем внешнем разнообразии, в первой половине XX в. теории языка сохраняли некоторое внутреннее единство.

Однако как только в центре интересов теоретической лингвистики оказались проблемы *функционирования языка*, роль этих специфических свойств резко возросла. Между тем в современных теориях языка они продолжают недооцениваться. По-прежнему доминирует синхронический подход. Не представлена в современных моделях функционирования языка роль сопредельных ему подсистем — мышления, представления знаний и др. Наконец, недостаточно изучается роль инпута в формировании своеобразия частеречных и грамматических значений (механизмы этого влияния и его сила, равновеликая универсальным законам когнитивного развития ребенка). Понятно, что в таких условиях при построении модели языка лингвист пользуется гораздо большей творческой свободой, чем при описании его структуры» [Там же: 42].

Отсюда вывод: «Язык, будучи *социально-биологическим* явлением, представляет собой лишь одну из человеческих способностей, которая в своем формировании и функционировании теснейшим образом связана с рядом других, соположенных ей, человеческих способностей: с перцепцией, представлением знаний, памятью, эмоциями, вниманием, мышлением, движениями и действиями, социальным взаимодействием и пр. А стало быть, теоретическая лингвистика не может развиваться в отрыве от других когнитивных дисциплин, изучающих перечисленные выше способности человека» [Кошелев, в печати: 41; 2013б: 19].

Для построения языковых моделей необходима фундаментальная теория мозга или хотя бы психического поведения. В ее отсутствие предлагаемые лингвистами модели языка по-разному толкуют его назначение, специфику функционирования, вид и способ интерпретации производимых выражений, типологию используемых языком структур данных [Кошелев, в печати: 43]. Примерами могут служить модели Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. А. Мельчука [Кошелев 2013б: 6–10].

Согласно А. Д. Кошелеву, чтобы преодолеть кризис в лингвистике, следует начать построение теории языка заново, добиваясь всеобъемлющего, всестороннего описания языка с учетом всей многоаспектности его свойств. «В духе синхронически-диахронического подхода она должна представлять собой **единство двух составляющих: синтетической и эволюционной**. **Синтетическая составляющая** призвана учесть как внутрисистемные, сугубо лингвистические свойства языка и процессов его синхронного функционирования, так и межсистемные требования, выдвигаемые другими подсистемами, такими как мышление, представление знаний, эмоции, память и пр., тесно взаимодействующими с языковой подсистемой. **Эволюционная составляющая** должна служить основой для объяснения эволюции языка и процессов его становления и развития у ребенка.

...Эволюционно-синтетическая (далее просто **синтетическая**) теория не может быть сугубо лингвистической. В нее, наряду с лингвистической, будут входить системно связанные с ней когнитивная, мыслительная, социальная и др. составляющие. Фактически **новая теория языка должна строиться в рамках новой когнитивной парадигмы**, которую **тоже** можно назвать **синтетической**, поскольку она будет нацелена на системное объединение парадигм частных когнитивных наук: лингвистики, психологии, нейробиологии и др.» [Кошелев, в печати: 45–46; выделено мною. — Л. 3.; 2013б: 19].

Новая теория языка не может обойти стороной вопрос об отношении языковых знаков к действительности, а значит, новая теория не может продолжать игнорировать теоретические достижения прошлого в философии, в том числе в теории познания, в теории мыслительной деятельности, семиотики, лингвистики, психологии, физиологии, т. е. всех тех областей научного знания, которые обращались к *отражению реальной действительности в языке*.

2. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Материалы этого раздела опубликованы в ряде работ А. Д. Кошелева: в статьях [Кошелев 1996; 2006; 2014б; 2015б], в монографии [Кошелев 2015а: 7–144] и в подготовленной монографии [Кошелев, в печати].

2.1. СЕНСОРНАЯ ЛЕКСИКА

Уже античная классика различение способов познания связывала с онтологически обусловленным противопоставлением двух миров — изменчивого мира становления, каким является чувственный мир, «область зримого», и мира неизменного бытия, который представляет собой «область умопостигаемого».

Как заметил А. Д. Кошелев, противоположение видимых и невидимых вещей и их имен более 200 лет назад было осознано в отечественном языкознании А. С. Шишковым. В его определении видимые вещи, такие как *солнце, звезды*,

камень, дерево, трава, мы постигаем чувствами, невидимые, или умственные, вещи наподобие *счастье, невинность, щедрота, ненависть, лукавство* постигаются разумом [Шишков 1803/2010: 35; Кошелев 2015а: 35].

А. Д. Кошелев слова, референты которых распознаются на основе непосредственного чувственного восприятия (визуального, тактильного, слухового...), называет *сенсорными*. К ним относятся: *стул, дерево, собака, бежать, кричать*; «абстрактные» слова типа *идея, благодарность, руководить, замышлять* являются *несенсорными*.

Согласно А. Д. Кошелеву, «основное значение сенсорного слова (и существительного, и глагола) имеет дуальную структуру: “Прототип — семантическое Ядро”, где Прототип отражает свойства (преимущественно визуальные) типичных референтов слова, а семантическое Ядро — характеристическое свойство, присущее всем (типичным и не типичным) его референтам» [Кошелев 2015а: 11].

При таком подходе оказывается, что «словарные и научные толкования сенсорных слов сосредоточены на описании исключительно прототипического компонента основного значения слова, т. е. фиксируют лишь типичные свойства его референтов. Описание ядерного компонента значения в толкованиях отсутствует» [Там же].

Толкование слова путем указания на характерные свойства его типичных референтов позволяет человеку *понять*, какой предмет (или действие) обозначает это слово. Но чтобы осуществить обратную операцию референции и правильно *обозначить* предмет, необходимо обратиться к семантическому Ядру как главному компоненту основного значения слова, задающего единое осмысление всех его прямых референтов.

Стрелка, связывающая компоненты дуальной¹ структуры, означает отношение интерпретации:

Основное значение существительного / глагола = Прототип ← семантическое Ядро.

Ядро (содержательная характеристика референта) приписывается Прототипу (типичному внешнему виду референта) [Там же: 14, 16].

«Определение Прототипа требует использования перцептивных когнитивных единиц, а определение Ядра — функциональных, или казуальных, когнитивных единиц» [Там же: 22].

Если носитель языка знаком с данными референтами, простое словарное толкование успешно справляется с ролью вербального указателя на Прототип. «Главное, чтобы оно описывало наиболее характерные признаки этого Прототипа» [Там же].

Оказалось, однако, что «...строго дифференцировать категории “Стуля” и “Кресла” на основе внешних различий (наличие подлокотников, наклон спинки,

¹ *Дуальный* — от лат. *dualis* ‘двойной, двусторонний’.

низкое сиденье и под.) не удается. Категориальные различия между ними можно сформулировать только на уровне функциональных характеристик», обращаясь к семантическому Ядру [Кошелев 2015а: 25–26]. Сравним функциональные характеристики *стульев, кресел и табуреток*.

Стул «сделан для сидения одного человека в полуустойчивой (полу-расслабленной) позе, удобной для различного вида работы с использованием рук, обычно за столом; тело человека имеет одну основную опору для зада и две дополнительные опоры — для спины и для ног».

Кресло «сделано для сидения в почти устойчивой к падению (почти расслабленной) позе, удобной для отдыха, непродолжительного и публичного (в верхней одежде); тело человека имеет основную опору для зада и две дополнительные — для спины и рук» [Кошелев, в печати: 82].

Табурет «сделан для сидения в неустойчивой (не расслабленной) позе, обеспечивающей сидящему максимальную подвижность (встать, повернуться всем телом и под.)» [Там же: 85]. «...Поэтому подлокотники и спинка здесь не нужны» [Там же: 84].

Следовательно, «...дискретность категорий “Кресла”, “Стулья” и “Табуреты” обусловлена дифференцированностью трех указанных выше положений (состояний) человеческого тела и свойственных им трех видов сидячей деятельности человека» [Там же: 85].

Таким образом, семантическое Ядро, участвуя в дифференциации категорий сенсорной лексики, обретает функциональную значимость.

Как показывает А. Д. Кошелев, «представление основного значения слова в виде пары “Прототип ← семантическое Ядро”, где визуальные и функциональные характеристики референтов не перемешаны (синкретически), а строго разделены, важно» и потому, что «1) в порождении (посредством метафоризации) производных значений из основного значения Прототип и Ядро часто участвуют по отдельности» [Там же: 85], и потому, что «2) имеются нейрофизиологические данные, подтверждающие раздельную локализованность в долговременной памяти человека визуального Прототипа и функционального Ядра» [Там же: 87].

Анализируемые А. Д. Кошелевым **глаголы** подразделяются на 3 группы: 1) глаголы *действия*; 2) глаголы *неподвижного положения* в пространстве; 3) глаголы *движения*.

В группу **глаголов действия** включены глаголы *ударить* (в отличие от *коснуться, толкнуть*), *падать, взять* и *взбираться*.

Применительно к глаголам, называющим видимые действия, необходимо различать три аспектуальных значения — *текущее, актуальное* и *фоновое*, которые выражают действия на микро-, мини- и макроинтервале. Ср.: *Иван пьет воду, Иван пьет чай* и *Иван второй день пьет вино*.

«...Для текущего значения глагола называемые им видимые действия являются столь же полноценными референтами, сколь и предметы для предметного существительного» [Там же: 92]. Сенсорный глагол в текущем значении досту-

пен очень быстрому, практически мгновенному, распознаванию. Такое текущее значение автор называет основным значением сенсорного глагола, а называемые им действия — референтами глагола [Кошелев, в печати: 92].

Приведем в качестве примера глагол контакта *ударить*.

Словарные толкования этого глагола в русском и английском языках задают визуальный прототип действия «ударить». Однако «...ни одно из содержащихся в нем свойств не является обязательным для описываемого действия» и для действий–референтов основного значения глагола.

В предложении «**Х ударяет по Y-у** (*нога ударила по мячу*)

Прототип = В некоторый момент t

- 1) между движущимся компактным предметом X и неподвижным предметом Y
- 2) резко и кратковременно возник
- 3) контакт, часто сопровождающийся громким звуком
- 4) возможно, Y сдвинулся с места» [Кошелев 2015а: 37].

Это толкование охватывает большинство референтов глагола *ударить*, включая одновременно и ряд «чужих» референтов типа *коснуться*, *задеть* и т. д., которые не обладают главной характеристикой удара, т. е. неизвестен характер контакта — получил ли Y от движущегося X-а *резкий толчок*.

Если резкий толчок, получаемый Y-ом от движущегося X-а, обязателен для каждой ситуации удара, то все или почти все внешние характеристики, отличающие Прототип: «резко», «кратковременно», «контактный X», «приходить в контакт», как показывает автор, необязательны, хотя и типичны.

Определяют удар или «резкий толчок» характеристики *силового взаимодействия* X-а и Y-а, влекущие за собой определенные последствия. Эти характеристики свойственны семантическому Ядру глагола *ударить*:

«**Х ударил по Y-у** (Ядро) = В момент t

- 1а) между движущимся объектом X, обладающим существенной “силой движения”, и неподвижным объектом Y, обладающим существенной “силой неподвижности”,
- 2а) возникло мгновенное
- 3а) силовое взаимодействие: X передал Y-у всю или большую часть своей силы движения, вследствие чего
- 4а) Y получил резкий толчок, был сильно сотрясен; если Y — живое существо, он испытал чувство боли» [Там же: 40].

Так основное значение глагола *ударить* приобретает дуальную структуру, в которой Прототип (визуальное описание) — это «типичная, но не обязательная характеристика действия–референта, а Ядро (функциональное описание) — это обязательная характеристика действия–референта» [Там же: 43].

Из покомпонентного сравнения визуальных характеристик Прототипа с функциональными (каузальными) характеристиками Ядра следует, что «каждое свойство Прототипа представляет собой типичную манифестацию соответствующего функционального свойства Ядра» [Кошелев 2015а: 43].

На примере глагола *брать/взять* автор показывает, как отграничить корректное употребление от некорректного, почему, в частности, можно *взять яблоко из корзины* и нельзя *взять яблоко с дерева*.

Толковые словари фиксируют типичные действия–референты данного глагола, а они не позволяют строго определить класс референтов во фразе *Человек X берет/взял предмет Y*, четко отграничив правильное употребление от неправильного. Чтобы добиться этого, автор обращается к составляющим основное значение фразы частям — *пресуппозиции* и *ассерции*. В определении А. Д. Кошелева, данную фразу в основном значении «можно употребить лишь в ситуации, когда Y является а) самостоятельным предметом (а не частью предмета), который находится б) в неподвижном и в) свободном положении, т. е. удерживается от движения только силой своего веса (не связан с другими предметами, не прикреплен к ним). В большинстве случаев это ситуации, когда предмет Y лежит или стоит на какой-либо поверхности)» [Там же: 48–49].

Всё это говорящий знает (видит, помнит, предполагает) в момент речи. Такова пресуппозиция основного значения фразы.

А. Д. Кошелев определяет визуальный и функциональный признаки пресуппозиции, т. е. ее Прототип и Ядро.

«Пресуппозиция =

Прототип (визуальный признак) = предмет Y, физически целостный и не связанный со своим окружением, неподвижно покоится на поверхности ←

Ядро (функциональный признак) = предмет Y обладает силой неподвижности, обусловленной его весом» [Там же: 51].

Однако *брать* — это целенаправленное действие. Ассерция указывает, как получить возможность перемещать предмет Y в нужном направлении.

«...Аналогичная формула для ассерции имеет следующий вид:

Ассерция =

Прототип (визуальный признак): X обхватил предмет Y рукой (руками) и сдвинул его с места ←

Ядро (функциональный признак) = X, имея цель получить контроль на перемещении предмета Y, преодолел силу его неподвижности (обусловленную исключительно его весом) и может начать перемещать его в произвольном направлении» [Там же].

В привычной дуальной структуре Прототип (визуальные признаки) — типичная, но не обязательная характеристика действия–референта. ← Ядро (функциональные признаки) — это обязательная характеристика действия–референта.

Таким образом, «**Человек X берет / взял предмет Y** (основное значение) =

Прототип: (пресуппозиция) предмет Y, физически целостный и не связанный со своим окружением, неподвижно покоится на поверхности + (ассерция) человек X обхватил предмет Y рукой (руками) и сдвинул его с места ←

Ядро: (пресуппозиция) предмет Y обладает силой неподвижности, обусловленной его весом + (ассерция) человек X, имея цель получить контроль над перемещениями предмета Y, преодолел силу неподвижности Y-а (обусловленную исключительно его весом) и может начать перемещать его в произвольном направлении» [Кошелев 2015а: 53].

Как и в других глаголах, в глаголе *брать / взять* «каждое свойство Прототипа представляет собой типичную манифестацию соответствующего функционального свойства Ядра». Переносные значения данного глагола в основном являются метафорическими, и называют они актуальные и фоновые действия, причем в качестве Y часто выступает не предмет, а место, отрезок времени, высота, вес [Там же: 56].

Словарные толкования *глаголов неподвижного положения в пространстве стоять, сидеть, лежать и висеть*, как и в других случаях, обозначают типичные референты и соответственно характеризуют Прототип. А он не может объяснить способность носителей языка осуществлять корректную референцию в случае нетипичных, редких референтов, что автор указывает на множестве конкретных примеров с глаголами *висеть, стоять*.

Сравнивая далее функциональные (каузальные) характеристики неподвижного положения X-а в пространстве, А. Д. Кошелев выделяет 2 различительных признака, действующих в семантическом Ядре: степень устойчивости X-а и тип опоры X-а. Глаголы *лежать, сидеть, стоять* имеют референты с нижней опорой и различаются по степени устойчивости, характеризуя соответственно полную, частичную устойчивость или неустойчивость. Глагол *висеть* характеризует неустойчивость X-а в случае верхней опоры [Там же: 76].

Сходным образом, по данным Т. Аошуан, обстоит дело в мандаринском диалекте китайского языка с глаголами *стоять, сидеть, лежать*, закрепленными исключительно за человеком [Там же: 77].

Глаголы движения *идти, бежать, ползти, шагать, прыгать, ехать* для определения основных значений требуют учета более сложной системы различительных признаков.

Толкования основных значений «базовых» глаголов *идти* и *бежать*, представленные в толковых словарях и научных работах, ориентированы на прототипические действия–референты. Они фиксируют меньшую/большую скорость движения и сохранение/утрату контакта с поверхностью [Там же: 80]. Однако оба эти признака не всегда позволяют отличить ходьбу от бега, езды, передвижения ползком.

В когнитивно-лингвистическом описании ходьбы и бега человека и, следовательно, семантики глаголов *идти* и *бежать*, согласно А. Д. Кошелеву, должно быть три уровня иерархии: «1) к и н е м а т и к а — внешний вид движения без указания

его причин (нижний уровень); 2) порождающая ее д и н а м и к а — опорно-силовая схема движения (средний уровень); 3) мотивирующие ее (динамику) цели человека (верхний уровень)» [Кошелев 2015а: 92], поскольку опорно-силовая схема движения человека мотивируется целями. Основные значения ходьбы и бега, например, мотивируются целью человека переместиться в некоторый пункт пространства. Это их первичное значение. Если те же, казалось бы, движения используются для неких вторичных непространственных целей, иерархия целей меняется и на первый план выходит иная главная цель, например тренировка спортсмена на выносливость в беге по стадиону, выражение какой-то эстетической мысли или чувства у балерины, бегущей по сцене, и т. д.

«Как только главной целью движения становится непространственная цель, она радикально меняет форму ходьбы / бега: и рисунок шагов, и положение тела, и движения рук и пр. Балерина думает не о том, как оптимальным образом шагнуть или прыгнуть, а как посредством шага или прыжка выразить изящество, легкость движений, эстетическое содержание танца» [Кошелев 2015а: 91]. А так как «...цели человека обладают фундаментальным свойством — дискретностью: они не переходят одна в другую через последовательность промежуточных целей», «...ни сами цели, ни их двигательные проявления не сливаются», и в беге балерины по сцене мы легко распознаем компоненты движения, обеспечивающие перемещение, и компоненты, реализующие посредством танца эстетическое содержание [Там же: 92].

Силовые признаки ходьбы и бега давно выделены Н. А. Бернштейном. По его словам, «движение ходьбы состоит для каждой ноги из чередования *опорного* и *переносного* времени. Переносное время длится при ходьбе дольше, чем опорное (при беге дело обстоит как раз наоборот), потому существуют интервалы времени, когда одна нога еще не окончила своего опорного времени, а другая уже начала свое. Эти интервалы мы называем временами *двойной опоры*» [Бернштейн 1990: 341] (цит. по: [Кошелев 2015а: 87]).

Соответственно, по данным референциального анализа, полагает А. Д. Кошелев, для адекватного определения основных значений *идти*, *ходить* и других глаголов движения необходимы недоступные непосредственному восприятию каузальные признаки, заключенные в семантическом ядре: 'толчок', 'опора', 'неустойчивость' и др. [Там же: 82].

Для классификации толчковых движений «достаточно описать а) тип самотолчка и б) характер связи самотолчков» [Там же: 97].

Если сравнить *идти*, *бежать* с глаголами *шагать*, *прыгать*, то во время ходьбы и бега толчки образуют целостное движение, непрерывно переходя один в другой, тогда как в *шагать*, *прыгать* они независимы и раздельны, образуя составное движение.

Второй различительный признак — степень устойчивости движущегося. Как полагает автор, «...в языковом сознании носителя русского языка хранится по меньшей мере три нормативные степени устойчивости толчковых движений

(малая, средняя и высокая)» [Кошелев, в печати: 151]: в *ползти* она наибольшая, в *идти* и *шагать* локально неустойчивая, в *бежать* и *прыгать* глобально неустойчивая [Там же: 153].

Таким образом, глаголы, не различающиеся по характеру связи толчков, дифференцируются по степени устойчивости движущегося. Толчковое движение в свою очередь противопоставляется нетолчковому движению. Главную оппозицию толчковому движению составляет глагол *ехать*, обозначающий движение человека, при котором «...он а) непрерывно опирается на поверхность и б) сохраняет постоянную опорную область на поверхность» [Кошелев 2015а: 103]. В соответствии с данным противопоставлением следует различать «...два типа движения: 1) толчковое, при котором опора X-а на поверхность не постоянна — X “переваливается”, т. е. перемещается, перенося посредством самотолчков вес своего тела с одного места на другое, и 2) нетолчковое, при котором опора X-а на поверхность при продвижении его к новому месту постоянна. Толчковое движение распадается на подвиды (*ползет, идет, бежит*) по характеру изменения опоры X-а, а нетолчковое — на подвиды (*едет, скользит, катит*) — по типу постоянной опоры X-а (*едет* и *скользит* — опорная область постоянна, а *катит* и *катится* — опорная область меняется)» [Там же: 104].

2.2. СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ

Сущность лексической многозначности А. Д. Кошелев видит в ее потенциальной неограниченности вследствие постоянного употребления слова в окказиональных («мимолетных», по Ю. С. Маслову) новых, ранее не встречавшихся, значениях. «Они не хранятся в лексиконе носителей языка, а “изобретаются” говорящим для решения его текущей речевой задачи, становясь понятными окружающим только благодаря знанию а) общих механизмов их образования и б) контекста или референтной ситуации» [Кошелев, в печати: 169].

Так, слово *обезьяна*, помимо узуальных производных значений, представленных в словарях, имеет, в частности, множество окказиональных: ‘Сутулый длиннорукий человек’, ‘Аномально волосатый человек’, ‘Человек, живущий на дереве’ и т. д. [Там же: 169–170]. Как подчеркивает автор, «...потенциальные значения не содержатся в сознании носителя языка в виде, позволяющем им “всплыть на поверхность” при первой необходимости. Они каждый раз порождаются специальными механизмами из основного значения слова» [Там же: 173].

Благодаря этому становится возможным «конечными средствами языка описывать бесконечное разнообразие окружающего мира» [Там же: 164]. Соответственно «...одна из главных проблем когнитивной семантики заключается в объяснении механизмов образования у языковых единиц новых, окказиональных употреблений» [Там же]. Главными из них Кошелев считает *метафору* и *метонимию*. Все производные значения слова — это метафоры, метонимии, или синекдохи, порожденные из его основного значения, которое выполняет *генетическую функцию*

в отношении остальных значений. «Поэтому в традиционных толковых словарях... первым обычно дается основное значение, а за ним производные» [Кошелев, в печати: 165].

Так, В. Даль в толковании слова *цель* сначала указывает основное значение ‘мишень’, ‘цель для стрельбы’, затем (за чертой //) — метонимическое ‘мушка на дуле наводки по прицелу’, и далее под * идет переносное (иносказательное) — метафорическое значение ‘чего кто силится достигнуть’.

«Метонимия обычно определяется как перенос имени (слова) с предмета–референта на другой предмет (не референт), смежный с ним в пространстве или во времени», хотя бы временно (как в случае *мушки*).

«Метафора — это перенос имени с основного значения на другой предмет (также не референт), имеющий некоторое свойство, сходное с каким-то свойством основного значения» [Там же: 166].

«...Для порождения метафоры необходимо а) когнитивное (невербальное) описание... основного значения и б) строгое вычленение в его рамках семантического (каузального) Ядра» [Там же: 166–167]. «Ядро объясняет функцию референта и причину типичного действия с ним» [Там же: 167].

Итак, предлагаемый А. Д. Кошелевым подход к лексической полисемии имеет две отличительные черты:

«1) понимание *основного значения* как **базового концепта**, первично **возникающего** у ребенка уже на первом году жизни (до начала усвоения родного языка) **в результате восприятия и деятельностного освоения окружающего мира**, и

2) опора на *метафору* и *метонимию* как *главные механизмы образования производных значений* из основного значения» [Кошелев, в печати: 170; выделено мною. — Л. 3.].

Референциальный подход к основному значению слова позволил А. Д. Кошелеву осветить роль референции в лексикологии, отнюдь не порывая с традицией фиксации значений многозначного слова в толковых словарях, тогда как в современных лексикологических теориях референциальная функция слова практически не рассматривается. И здесь не обошлось без влияния структурализма. Соответственно, словари [Longman 2009] и [Активный словарь 2014] исходят из синхронического принципа описания лексической многозначности — от наиболее частотного значения к наименее употребительному. Поэтому в Московской семантической школе во главе с Ю. Д. Апресяном в качестве основной лексемы у слова *цель* выступает лексема в самом абстрактном значении ‘то, чего человек хочет добиться’, но не лексема в конкретном значении ‘мишень’.

Ср. в словаре В. И. Даля:

Цель 1) мета, предмет, в который кто метит, наводит, старается попасть; *цель для стрельбы*, мишень, с раскрашенными кругами, коих середина сердце или яблоко;

- 2) *Цель*, на стрельном оружии, мушка, шипок на дуле, для наводки по резке, мишени на казеннике, по прицелу;
- 3) *Переносное*. Конечное желание, стремление, намеренье, чего кто силится достигнуть.

Те же значения выделяет словарь Д. Н. Ушакова. И на них опирается А. Д. Кошелев. В рамках *референциального* подхода, пишет он, «получается естественное объяснение феномена лексической многозначности: и как *синхронического* состояния системы узувальных значений слова, и как процесса *диахронических* изменений этой системы — возможного появления у слова новых значений (образования окказиональных метафор и метонимий). Кроме того, из этого объяснения становится понятным, почему переносные значения, иногда столь далекие от основного значения слова, относятся тем не менее к кругу его значений. Почему, к примеру, [метонимическое] значение ‘мушка’ относится к системе значений слова *цель*. Также понятно, откуда взялось столь абстрактное [метафорическое] значение, как ‘то, чего человек хочет добиться’» [Кошелев, в печати: 174].

3. БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ КОДЫ ПАМЯТИ

На основании экспериментальных когнитивных исследований Э. Рош, Дж. Лакоффа и др. было установлено, что первыми у ребенка формируются родовые категории, которые задают базовые концепты. Члены категории имеют сходный общий вид, воспринимаемый чувствами; для взаимодействия с различными членами категории человек использует сходные физические действия. Соответственно, по Лакоффу, базовый концепт имеет вид:

Концепт = типичная Форма + физическое Взаимодействие [Там же: 198].

С точки зрения А. Д. Кошелева, по данным проведенного анализа, «к визуальной форме предмета необходимо добавить его функцию (пара Форма ← Функция), а к визуальному действию — психофизическое состояние человека, осуществляющего это действие (пара Действие человека ← его психофизическое Состояние)» [Там же: 199].

С учетом ассоциативной связи (символ &) и отношения интерпретации (символ ←) получим:

Базовый концепт = Предмет (Форма ← Функция & типичное Действие с ним (Действие человека) ← его психофизическое Состояние).

Или короче:

Базовый концепт = Предмет (Форма ← Функция) & типичный Двигательный концепт.

В концепте СТУЛ (основное значение слова *стул*) общая неизменная функция формы стула (во всех его вариантах) — обеспечить возможность *сидеть* в определенном положении. Опуская в формуле предметного концепта типичный двигательный концепт, ограничимся таким образом формулой «Форма предмета ← его Функция». Это определение «...позволяет утверждать, что естественные человеческие категории по меньшей мере дуальны, т. е. задаются одновременно как прототипические, размытые (на основе прототипа), так и классические, строгие (на основе функциональных характеристик)» [Кошелев, в печати: 218].

Общая функция обуславливает деление предмета на функционально значимые части, каждая из которых выполняет свою частную функцию, из этих частных функций складывается общая функция данного предмета.

Поэтому в русском языке выражения *спинка / сиденье / ножки стула* корректны, а, например, **подголовник стула, *подножник стула* нет [Там же: 199], так как ни подголовник, ни подножник не являются функциональными частями *стула*.

В отличие от функции стула, состояние человека, на нем сидящего (полустойчивое положение тела), представляет собой «совокупность его типизированных ощущений, вызванных этим действием», оно относится не к стулу, а к человеку [Там же: 200]. «Включение в определение базового концепта компонента “психофизическое состояние человека” критически важно. ... Именно разные психофизические состояния сидящего задают категории “Стулья”, “Кресла” и “Табуреты”, строго отделенные друг от друга. При этом ни различия в формах стульев и кресел, ни различия в формах сидения на стуле и в кресле не дают строгой дифференциации» [Там же: 201].

В таком случае исходными первичными человеческой таксономии мира являются не предметные базовые концепты, а «более элементарные когнитивные единицы — концепты человеческого действия, или двигательные концепты человека», поскольку «... именно посредством действий человек напрямую обеспечивает выполнение своих ближайших целей, реализацию своих желаний». Окружающие предметы лишь помогают достичь желаемых результатов [Там же: 206].

Двигательный концепт человека = Действие человека (визуальная форма) ← его психофизическое состояние.

Различая 3 типа предметных концептов, А. Д. Кошелев противопоставляет **базовым** концептам, обладающим общей формой (*дерево*), **суперординарные** как не имеющие общей формы (*растение*) и **субординарные**, прототипические формы, которые не являются общими (*яблоня*).

Среди двигательных концептов к базовым относится, например, ЧЕЛОВЕК СИДИТ, тогда как ЧЕЛОВЕК СИДИТ НА СТУЛЕ / В КРЕСЛЕ / НА ПОЛУ — субординарные [Там же: 207].

«Двигательный концепт человека имеет самостоятельный статус, не зависящий от предмета, с которым человек взаимодействует» [Там же: 208]. В частности,

«психофизическое действие (код памяти) представляет собой внутреннюю характеристику его психики», не содержащую свойств *стула* (*кресла* или *табурета*).

Определяя «психофизическое состояние человека», А. Д. Кошелев опирается на исследования Джо Циня (J. Tsien), посвященные изучению структуры памяти, и исходит, в частности, из того, что компоненты концепта СТУЛ, задающие категорию «Стулья», закодированы в семантической памяти человека в виде ансамбля отдельных групп нейронов (клик), которые сходно реагируют на определенные события, являясь кодирующими единицами памяти. Предположительно, «...одна клика реагирует, когда воспринимается предмет, похожий по форме на прототип (образ) стула, другая — когда тело человека занимает положение (осуществляет действие 'сидеть на стуле'), а третья — когда наступает полурасслабленное состояние от этого действия». В результате «...совокупность (ансамбль) этих клик кодирует в долговременной памяти человека концепт СТУЛ, задающий категорию "Стулья"» [Кошелев, в печати: 204–205].

Соответственно психофизическое состояние А. Д. Кошелев понимает как «нейронный код долговременной памяти (ансамбль клик), фиксирующий типизированное текущее действие человека, т. е. двигательный концепт. Иначе говоря, психофизическое состояние — это комплекс разнотипных данных, вырабатываемых различными подсистемами мозга человека при выполнении им конкретного физического действия», например: сидеть на стуле, сидеть в кресле, бежать, идти, ехать на велосипеде, ехать в автобусе и т. д. [Там же: 221].

В код памяти действия «входят три компонента (три нейронных клики)» в соответствии с трехуровневой структурой действия: цель → динамика (силовая схема) → кинематика (изменение отражается проприоцепторами¹ и визуальным образом движения). Поэтому в коде памяти «один компонент хранит кинематику действия (данные проприоцепторики, отражающие изменения положения тела человека и его частей в процессе действия), другой — динамику (данные эфферентного аппарата, управляющего двигательными нейронами), а третий компонент хранит данные о мотиве (цели) действия (данные лимбической² подсистемы)» [Там же: 229]. Таким образом, образуется трехуровневая иерархическая структура: кинематика — динамика (промежуточный уровень, силовая схема) — цель [Там же: 231]. И динамика, и цель отражаются на кинематике. Вклад динамики в кинематику позволяет отличить быструю ходьбу от шаркающего бега пожилого человека по периодической утрате опоры и положению локтей для сохранения равновесия при таком беге. О вкладе мотива движения в кинематику можно судить по тому, что если человек стремится *утоптать* только что сформированную

¹ Проприоцепторы — концевые образования чувствительных нервных волокон в скелетных мышцах, связках, суставных сумках [СЭС 1981: 1081].

² Лимбическая система — совокупность отделов головного мозга, расположенных преимущественно на внутренней поверхности больших полушарий. Л. с. участвует в регуляции функций внутренних органов, обоняния, инстинктивного поведения, эмоций, памяти, сна, бодрствования и др. [Там же: 720].

дорожку, он поднимает ступни выше и опускает их на дорожку с большей силой, нежели при ходьбе [Кошелев, в печати: 229].

Из сказанного, в частности, следует, что «...при ходьбе и беге опорно-двигательный аппарат человека работает в двух разных режимах, т. е. использует две различные биомеханические модели движения» [Там же: 228].

По визуальным прототипам (кинематике) действий человека «...в его памяти моментально активизируется семантическое ядро — главный компонент основного значения». Теперь понятен и реальный механизм связи прототипа с ядром: «...при восприятии человеком кинематики движения активизируется соответствующая клика кода памяти (хранящая данные проприоцепторов об этой кинематике), а вслед за ней активизируются и остальные клики кода памяти (семантическое ядро)» [Там же: 225].

Предположительно, «...при восприятии действия процедура распознавания в общем случае складывается из трех этапов. Сначала она по кинематике действия находит все коды памяти со сходным кинематическим компонентом. Если их несколько, то далее проверяется динамический аспект кинематики (вклад в нее динамики). Если и после этого остается несколько кодов памяти, то проверяется компонент цели действия.

Если в итоге остается только один код памяти, то воспринятое действие распознано — отнесено к категории действий, заданной этим кодом» [Там же: 230].

4. ЭЛЕМЕНТЫ СЕНСОРНОЙ ГРАММАТИКИ

«По характеру грамматических значений в лингвистике выделяются номинативные (“семантические”, “референциальные”) категории, непосредственно участвующие в отражении внеязыковой действительности, и синтаксические (“реляционные”) категории, отражающие лишь способность словоформ вступать в те или иные синтаксические отношения в предложении» [ЛЭС 1990: 216]. В. В. Лопатин среди грамматических значений также различает референциальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, и реляционные (синтаксические), указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений [Там же: 116].

Между тем референциальный подход актуален как для лексической семантики, так и грамматической. Элементы сенсорной грамматики А. Д. Кошелев иллюстрирует на основе анализа основного и производных значений приименного генетива, значения глагольной переходности и залога. Автор находит *структурное и генетическое сходство между лексическими и грамматическими значениями*.

Как уже указывалось, сенсорное слово имеет следующую структуру значения:

- (1) Основное значение = визуальный Прототип ← семантическое Ядро.

«...Прототип задает типичную визуальную (шире — перцептивную) характеристику референтов слова, а ядро — функциональную (каузальную, интенциональную) характеристику, присущую всем (а не только типичным) референтам» [Кошелев, в печати: 249].

Таков первый шаг к созданию специального когнитивного языка мысли, когда базовыми единицами языка описания лексических значений становятся предметные и двигательные концепты [Там же: 249–250].

С учетом производных значений, образованных от основного, получаем:

- (2) Структура значений сенсорного слова имеет вид: основное значение — множество производных от него значений (метафор и метонимий).

При выявлении новых явлений действительности человеческий язык для их обозначения в лексике и грамматике использует прежние языковые средства — сначала окказионально, а в благоприятных случаях и узуально [Там же: 250].

«...Во множестве грамматических единиц также имеются сенсорные единицы и их значения структурно и генетически сходны с лексическими значениями, А именно: основное значение сенсорной грамматической единицы имеет вид (1), а структура ее полисемии — вид (2). Иначе говоря, *в структурном и генетическом плане лексические и грамматические значения сенсорных единиц языка неразличимы*» [Там же: 254].

Анализ сенсорной грамматики начинается с **категории посессивности**. «Ее основное значение, в формулировке М. А. Журиной, — определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету (относительная номинация), например “книга Петра”, “сын Николая”, “любитель книг”, “хвост осла”» [ЛЭС 1990: 388]. В именном склонении посессивность обычно выражается специальным падежом — посессивом (родительным). Посессивность может выражаться в именной группе типа «существительное + прилагательное», где прилагательное образовано от референтного имени, ср.: русское притяжательное прилагательное в словосочетании типа *петровские реформы* [Там же: 389].

Иной подход развивает А. Д. Кошелев, анализируя отношение «часть Y — целое X» в конструкции с приименным родительным падежом. Корректное употребление группы *Y X-а* предполагает, что Y — не только физическая, но и функциональная часть *X-а*, так что «...функция части Y вносит свой непосредственный вклад в общую функцию X-а» [Кошелев, в печати: 238].

«...некорректность употребления приименного генетива в группе *Y X-а...* может означать одно из двух: либо Y функционально связан не с самим X-ом, а с какой-то его функциональной частью (плохо: **форточка дома, *пол дома*, но нормально: *форточка окна, пол комнаты*), либо Y вообще функционально независим от X-а и, будучи связан с ним физически, не связан с ним функционально» [Там же: 239; 2003: 536]. Поэтому плохо: **балкон дома, *балкон комнаты*.

Таким образом, *основное значение* генетивной конструкции $Y X-a =$

Прототип: «Цельный (не составной) предмет X имеет неотделимую физическую часть Y семантическое Ядро».

«Функция части Y является частью общей функции $X-a$, т. е. вносит непосредственный вклад в эту общую функцию» [Кошелев, в печати: 241].

На примере слова *велосипед* автор показывает, как его многоуровневая партициптивная структура отражается на его функции:

«Велосипед (функция) — ‘колесное транспортное средство, позволяющее одному человеку передвигаться, сидя на нем; человек вращает его колеса, нажимая ногами на педали, и выбирает направление движения, поворачивая руками руль влево или вправо’» [Там же: 242].

В иерархической структуре велосипеда основные его части (колеса, сиденье, рама, педали, руль) образуют первый уровень функциональной иерархии. Части некоторых частей (спицы, шина каждого колеса) — второй уровень, а их части (гайка спицы, ниппель шины) — третий. Например, плохо сказать **спицы велосипеда*, но вполне нормально *колеса велосипеда*, *спицы колеса*. Сомнительно также сказать *?насос велосипеда* (о насосе, прикрепленном к велосипеду, нужно сказать *велосипедный насос*), поскольку насос, будучи физической частью велосипеда, не является его функциональной частью, поскольку не вносит своего вклада в функцию велосипеда.

Опора на генитивную конструкцию позволяет утверждать, что, в отличие от структуры неживого объекта, структура живого организма трактуется носителем русского языка иначе. Так, дерево имеет одноуровневую структуру частей, т. е. «...практически все физические части дерева — не только корни, ствол и ветки, но и листья, почки, кора — относятся непосредственно к целому дереву», тогда как выражения *листья/почки веток* некорректны, несмотря на то что и листья, и почки физически принадлежат веткам [Там же: 243].

Некорректны и выражения **скворечник дерева / *качели дерева*, поскольку и скворечник, и качели, физически связанные с деревом, не являются функциональными частями дерева.

Функциональная структура человека и его тела с точки зрения взаимосвязей частей аналогична структуре дерева. «Подобно дереву, почти все части человеческого тела функционально подчинены непосредственно человеку, а не его телу». Поэтому мы говорим *тело / голова / руки / ноги / глаза / уши / бок / кожа человека*. В ряде случаев и у дерева, и у человека наблюдается двойное функциональное подчинение. Соответственно, вполне корректны выражения *кора ствола* и *кора дерева*, *сердцевина ствола*, с одной стороны, а с другой — *кисти человека* и *кисти его рук*, *ногти человека* и *ногти его пальцев*.

Подобно тому как плоды, еще зреющие на деревьях или кустах, являясь нефизической частью, не признаются функциональной частью, так и человеческий плод

не имеет статуса функциональной части вынашивающей его женщины. По этой причине некорректно выражение **плод женщины* [Кошелев 2006; в печати: 247].

Итак, мы видим, что генетивная конструкция *У Х-а* является сенсорной. Ее **основное** значение имеет важную прототипическую характеристику — физическая связность части *У* с целым *Х*. Она (эта характеристика) позволяет предположить, что *У* является функциональной частью *Х-а*. В противном случае это заведомо неверно. (Совершенно аналогично сенсорное существительное *стул* имеет важную прототипическую характеристику (типичную форму стула), позволяющую предположить, что воспринятый нами предмет — стул.) При отсутствии физической связности части *У* с целым *Х* генетивная конструкция употребляется уже в метафорических значениях: *сын Николая, книга Петра* и др. Характерно, что для части *У*, которая в норме физически связана с *Х-ом*, такие посессивные употребления некорректны. О колесе, которое лежит отдельно от машины, плохо сказать **колесо машины*.

В определение **глагольной переходности** как сенсорной единицы «... вводят-ся два понятия: Прототип — видимые (объективные) изменения объекта, вызванные контактными действиями Агенса, и Ядро (интерпретация), указывающее, что изменения объекта, как видимые, так и невидимые, порождаются Агеном, важны для него и являются его целью». Ср.: *Иван освещает дорогу фонариком* (для Ивана освещенная дорога значима, хотя с ней самой изменений не происходит); *Крестьянин измеряет поле* (в представлении крестьянина поле изменяется, т. к. обретает величину площади, хотя с самим полем видимых изменений не происходит).

По А. Д. Кошелеву, «Глагольная переходность (основное значение) = Прототип: Агеном осуществляется видимое действие в КОНТАКТЕ с прямым объектом, с которым синхронно происходят видимые изменения ← Ядро: Агеном осуществляется действия, поэтому с прямым объектом (Пациентом) синхронно происходят изменения, значимые с точки зрения Агенса и являющиеся его целью» [Кошелев, в печати: 255].

«Отношение “Агеном в КОНТАКТЕ с прямым объектом” является манифестантом отношения каузации “Агеном осуществляется действие, поэтому с прямым объектом происходят изменения”» [Там же: 255]. «Видимое изменение прямого объекта является манифестантом объективной (только для Агенса) значимости его изменений. Оба эти свойства типичны для глаголов, обозначающих контактные физические действия Агенса с объектом, производящие в объекте видимые изменения» [Там же: 255]. Ср.: *Рабочий взял топор, срубил дерево и построил дом*. Прототипические свойства основного значения глагольной переходности «Контакт Агенса с прямым объектом» и обуславливает сенсорность этой грамматической единицы.

Если переходный глагол означает не действие, а смену состояний, когда Пациент становится стимулом, переходность приобретает метафорическое значение: *Маша пожалела бездомного*.

Сравнение фразы *Вода наполняет ванну* (процесс) с фразой *Вода наполняет ванну* (конечное состояние — ванна наполнена) позволяет выявить механизм метонимии.

При анализе **категории залога**, его основных и производных значений А. Д. Кошелев сначала формулирует традиционное определение залога. Оно исходит из соотнесения семантических ролей аргументов глагола (Агенса, Пациенса и др.) с их синтаксическими ролями (подлежащее, прямое дополнение и др.) в традиционно выделяемых трех залогах. В действительном (активном) залоге переходного глагола Агенса обозначен подлежащим, Пациенс — прямым дополнением (*Маша причесывает куклу*). В страдательном залоге (пассиве) Пациенс обозначен подлежащим, Агенса — косвенным дополнением (*Кукла причесывается Машей*). В возвратном залоге (рефлексиве) обе семантические роли — Агенса и Пациенса — совмещаются и обозначаются подлежащим (*Маша причесывается*).

Анализируя категорию залога на основе когнитивного подхода, автор выявляет референциально значимые характеристики основных залоговых значений. С его точки зрения, «...среди множества явлений окружающего мира, значимых для успешной жизнедеятельности человека, пожалуй, важнейшими являются происходящие в мире изменения. Поэтому при адаптации к окружающей действительности центральное место для человека играет восприятие и классификация наблюдаемых изменений, происходящих с живыми существами, предметами, сыпучими веществами, жидкостями, элементами ландшафта и пр.» [Кошелев, в печати: 261–262].

Полагая, что «...обозначаемую предложением ситуацию определяет его предикативное ядро: существительное-подлежащее и глагол-сказуемое», автор заключает, что залоговое значение глагола указывает на тип изменений субъекта — референта подлежащего» [Там же: 263].

В итоге «...трем категориям изменений соответствуют три типа залоговых значений:

1) в **активе** с субъектом происходят **независимые** изменения: *Иван бежит, Река течет, Маша причесывает куклу, Ветер сорвал крышу, Клоун размахивает картонным мечом;*

2) в **пассиве** с субъектом происходят **зависимые** изменения: *Кукла причесывается Машей, Дом разрушается, Ворюшка наказывается плетью;*

3) в **рефлексиве** с субъектом одновременно происходят два изменения: **независимое** и каузируемое им **зависимое**. Иначе говоря, **субъект самоизменяется** (изменяет себя): *Маша причесывается.*

Предложенные дефиниции имеют универсальный, внелингвистический статус, поскольку апеллируют к сугубо когнитивным понятиям — типам изменений предмета или одушевленного существа. Благодаря этому мы получаем единую семантическую основу для межъязыковых сравнений залоговых значений. Сказанное позволяет также утверждать: актив, пассив и рефлексив являются сенсорными единицами» [Там же: 264].

Источником всех остальных значений выступает основное значение актива переходного глагола:

«(1) *Мальчик моет машину* (действительный залог, актив) = переходный глагол в активе обозначает ситуацию, в которой субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие; оно переходит на прямой объект в роли Пациенса и изменяет его =

субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие; поэтому с прямым объектом в роли Пациенса синхронно происходят зависимости изменения» [Кошелев, в печати: 266].

Значение возвратности метонимически производно от значения актива (1).

«(2) *Мальчик моется* (рефлексив — метонимия от актива) = глагол с постфиксом *-ся* в рефлексиве обозначает ситуацию, в которой субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие, которое переходит на него же, выступающего также в роли Пациенса, и изменяет его = субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие; поэтому с тем же субъектом, выступающим также в роли Пациенса, синхронно происходят зависимости изменения» [Там же: 266–267].

«В основе нашего понимания фразы *Мальчик моется* лежит универсальный механизм образования метонимии. Подлежащее в этой фразе метонимически называет сразу двух участников, различных по своим [функциональным] ролям, но тесно взаимодействующих и физически совмещенных». Метонимия, подчеркивает автор, возможна, если между исходным и смежным с ним объектом существует общезначимое функциональное взаимодействие, связывающее оба объекта» [Там же: 267].

Кроме того, «...понимание возвратного значения глагола опирается на знание типичной области воздействия агенса на себя» [Там же: 267–268].

Пассив (страдательный залог) предназначен для того, чтобы указать на некое промежуточное (*машина моется*) или финальное (*машина вымыта*) динамическое состояние Пациенса, когда Пациенс находится в состоянии изменений, порожденных действием Агенса (обычно неизвестного или отсутствующего в момент наблюдения) [Там же: 268].

Значение пассива интерпретируется автором как метафорически производное от рефлексива, поскольку в обоих случаях Пациенс является субъектом предиката (обозначается подлежащим и претерпевает зависимые изменения).

«(3) *Машина моется, дом строится плотником* (пассив — метафора от рефлексива) =

субъект предиката, выступающий в роли Пациенса, находится в состоянии зависимого изменения, производимого независимым действием другого участника ситуации — Агенса или Причины (например *дождя, страха*) =

субъект предиката, выступающий в роли Пациенса, находится в состоянии зависимых изменений, потому что другой участник ситуации (Агенс) производит независимое действие» [Там же: 270].

Далее рассматриваются *метафорические значения* производных от рефлексива и пассива. По словам А. А. Шахматова, **от рефлексива образуются:**

1) **Автокаузатив.** В этом случае «субъект, оставаясь фактическим производителем действия, не мыслится таковым; он только объект». Например:

Мальчик останавливается (автокаузатив = метафора от рефлексива) = на субъект (лицо) переходит действие, производимое им самим под превалирующим влиянием его окружения =

с субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, потому что действия субъекта подчиняются независимым изменениям его окружения [Кошелев, в печати: 272].

2) **Хабитуальный имперсонал** (*кратно-пассивно-возвратное значение*): *собака кусается, корова бодается.*

Коля толкается (хабитуальный имперсонал — метафора от рефлексива) =

на субъект (лицо) переходит характерный признак «постоянный производитель действия», порожденный многократным осуществлением субъектом этого действия =

с объектом произошли *з а в и с и м ы е* изменения: у него появился новый признак «постоянный производитель данного действия», потому что субъект часто осуществляет это действие [Там же: 273].

3) **Косвенно-результативный рефлексив:** *разгулялся, насиделся, намучился, наплясался.*

Иван отоспался (метафора от рефлексива) =

на субъект (лицо) переходит косвенный результат действия, производимого им самим =

с субъектом произошли результативные *з а в и с и м ы е* изменения, потому что длительные действия субъекта порождали постепенное независимое накопление этих изменений [Там же: 274].

От пассива образуются:

1) **Декаузатив (антикаузатив):** *разбился, сломался, растворился...*

Дом разрушился (декаузатив — метафора от пассива) =

с субъектом предиката происходят зависимые изменения, вызванные какими-то изменениями его окружения =

с субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, потому что независимо изменились окружающие его условия.

По заключению автора, «... носитель языка выделяет в действительности четыре объективных фактора, вызывающих изменения субъекта: Агенса (меняет себя (*мальчик моется*)), Причину (*белье сушится ветром*)), Коллектив (*нарушитель вызывается в милицию*) и Окружение (*дом разрушается*)» [Там же: 275].

2) **Безличный модальный пассив** (*пассивно-возвратное значение*): *мне хочется, хорошо работается, не спится, нездоровится, мне кажется, думается.*

Ивану легко работается (безличный модальный пассив — метафора от пассива) =

благодаря ситуационному окружению у участника ситуации возникло состояние, стимулирующее его к осуществлению действия =

с участником ситуации происходят *з а в и с и м ы е* изменения: у него возникло состояние, стимулирующее его к осуществлению данного действия, потому что произошли независимые изменения в ситуационном окружении участника.

В заключение анализируются **метонимические производные с постфиксом -ся. Они образуются от рефлексива** и имеют следующие значения:

1) **Объектный имперсонал** (*косвенно-возвратное значение*): *убралось, уложился, публиковался.*

Маша убирается (объектный имперсонал — метонимия от рефлексива) = субъект (Маша) метонимически отождествляется с принадлежащей ему собственностью (со своей комнатой). Поэтому независимые действия субъекта, изменяющие его собственность (Маша убирает комнату), трактуются как зависимые изменения, происходящие с самим субъектом (с Машей) =

субъект независимо воздействует на свою собственность, метонимически отождествленную с ним самим, поэтому с субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения.

2) **Рефлексивный бенефактив** (*антипассив*): *запасается, закупается, одалживается.*

Данное значение аналогично объектному имперсоналу, ибо субъект ситуации совершает действие над исходным прямым объектом для себя: *Иван запасся дровами.*

3) **Рефлексивный каузатив** (*возвратно-каузативное значение*): *одевается* (у портного), *наблюдается* (у врача).

Анна стрижется у парикмахера (рефлексивный каузатив — метонимия от рефлексива) =

на субъект (Анну) переходит действие, производимое с ним другим участником (парикмахером), метонимически отождествленным с субъектом =

с субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, потому что другой участник ситуации, метонимически отождествленный с субъектом, осуществляет независимое действие с ним.

4) **Реципрок** (*взаимно-возвратное значение*): *борется, сражается, сговорился, соглашается.* Это значение аналогично предыдущему.

Иван целуется с Машей (реципрок — метонимия от рефлексива) =

субъект осуществляет действие с другим участником ситуации, который одновременно осуществляет это же действие с субъектом. Поскольку этот участник метонимически отождествлен с субъектом, получается, что субъект косвенно осуществляет действие с самим собой =

с субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, потому что другой участник ситуации, метонимически отождествленный с субъектом, осуществляет с ним те же действия, которые и субъект осуществляет с ним.

«Итак, залог является сенсорной единицей».

«...Постфикс *-сь/ся* имеет единое значение — обозначает зависимое изменение субъекта (или другого участника ситуации, если глагол безличный). Это единое значение распадается на множество конкретных видов употреблений, выражающих различные типы зависимых изменений. Исходным (или основным) для всех этих употреблений можно считать значение рефлексива, представляющего собой метонимию от актива. От рефлексива образуются две группы переносов: метафоры и метонимии» [Кошелев, в печати: 281].

В результате множество значений залога предстает «в виде разветвляющейся цепочки, звенья которой связаны метафорическими и метонимическими переходами» [Там же: 261].

5. СЕНСОРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. СЕНСОРНЫЙ ЯЗЫК. КОГНИТИВНЫЙ ЯЗЫК МЫСЛИ

В качестве простого сенсорного предложения рассматривается такое предложение, в котором все слова являются сенсорными и употреблены в основных значениях: *Человек бежит по тропинке к озеру; Иван режет хлеб ножом.*

В качестве исходных когнитивных единиц представления действительности, полагает А. Д. Кошелев, для человека являются элементарные изменения, названные предметно-двигательными событиями и обозначенные существительным и глаголом через дефис: *человек-сидит, собака-ест*. Некоторые события объединяются в классе визуально и функционально сходных событий. «В каждом таком классе кристаллизуется предметно-двигательный протоконцепт — обобщенное событие, отражающее внешний облик и интерпретацию наиболее типичных (частотных) событий класса» [Там же: 285].

«Начальный этап формирования базовых концептов младенца обусловлен чисто когнитивными факторами» [Там же: 288]. Развитие представлений ребенка о мире основано на фундаментальном принципе развития живого существа — на принципе дифференциации синкретичного целого на части, которые затем интегрируются в систему, представляющую собой более развитое представление о целостном предмете [Там же: 289]. Главное свойство детских протоконцептов — синкретизм, сплав предметных, двигательных, функциональных характеристик.

В синкретичном конкретном протоконцепте ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ «...нераздельно соединены действующий Агенса и другие участники, играющие в отношении него различные роли (опорная поверхность и пр.). Для него можно указать следующие этапы развития. Сначала протоконцепт делится на предметную и двигательную части: на Агенса (концепт ЧЕЛОВЕК) и на его действие вместе с его ролями. Затем эта часть делится на действие (двигательный концепт БЕЖИТ) и отдельные роли: Поверхность, Цель движения и др. Далее начинается этап интеграции: с одной стороны, концепты ЧЕЛОВЕК и БЕЖИТ объединяются в систему, а с другой стороны,

к концепту БЕЖИТ присоединяются самостоятельные роли. Тем самым синкретичный протоконцепт преобразуется в систему концептов (своих частей)» [Кошелев, в печати: 290].

Затем различаются два компонента значения ядра: центральный — действующий Агенс — и периферийный или ролевой — набор остальных участников со своими ролями [Там же: 294].

Значение ядра ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ — фрагмент трехмерного пространства, содержащий структуру концептов: предметный концепт ЧЕЛОВЕК, присоединяющийся к нему двигательный концепт БЕЖИТ и связанные с последним пространственно-функциональным отношением предметные концепты, способные служить Поверхностью движения, Целью движения и т. д. [Там же: 297—298]. «Ролевое отношение имеет ту же дуальную структуру “Прототип ← Интерпретация”, что и концепты, которые оно связывает» [Там же: 298].

Значения предикативного ядра и предложения различаются тем, что значение ядра есть пространственная структура, соотношенная и отождествленная с воспринятым событием *человек-бежит*. Значением предложения *Человек бежит по дороге к старому дереву* называется ситуация бега, т. е. «...значение ядра *Человек бежит*, в котором роли заполнены конкретными концептами-участниками» [Там же: 299].

Значит, начальный синкретичный перцепт в процессе распознавания и осмысления преобразовался в иерархическую древовидную структуру концептов и отношений (автор подробно останавливается на этом преобразовании).

Определение значений предикативного ядра и предложения сформулировано автором на языке когнитивных единиц, который он называет когнитивным языком мысли.

Между тем с конца XX в. по настоящее время (в трудах Джекендоффа, Лакоффа, Вежбицкой, Пинкера) «языком мысли принято называть универсальную, независимую от конкретного языка систему концептов и отношений, посредством которой Человек представляет свои мысли (структуры концептов) и языковые значения» [Там же: 305].

«Данное понимание языка мысли характеризуют две черты: 1) элементы языка замыкаются в рамках концептуальной семантики <...> и 2) в определении его элементов — концептов и отношений — непосредственно используются слова и синтаксические конструкции естественного языка. В результате концептуальный язык мысли, во-первых, оказывается изолированным от более низкого, перцептивного уровня мышления, результаты которого он фактически описывает. А во-вторых, он не получает статуса мышления, как такового, поскольку создается явно (А. Вежбицкая) или неявно для описания языковых значений, а не человеческих мыслей» [Там же: 306].

В интерпретации А. Д. Кошелева, «...когнитивный язык мысли содержит единицы двух уровней: перцептивного, описывающего первичные перцепты непосредственного распознавания и осмысления фрагментов действительности, и концептуального, связанного, с одной стороны, с перцептивным уровнем, а с другой

стороны, с языковыми значениями. При этом 1) все единицы когнитивного языка определяются эксплицитно и невербально, т. е. независимо от слов и выражений естественного языка (последние используются лишь как термины), 2) концептуальные единицы суть структуры перцептивных единиц» [Кошелев, в печати: 306].

В качестве основных элементов используемого нами языка мысли *на перцептивном уровне* выступают:

«а) протоконцепты;

б) их предметные и двигательные визуальные прототипы;

в) их функции и интерпретации;

г) перцептивное отношение интерпретации “визуальный Прототип ← Функция (Интерпретация)”» [Там же].

На концептуальном уровне:

«а) концепты (предметные, двигательные, адъективные и др.) и роли — пространственно механизированные классы предметных концептов (Поверхность, Цель, Источник, Путь и др.);

б) концептуальные отношения: конкретизирующее отношение (типа ЧЕЛОВЕК ← БЕЖИТ) и ролевые отношения (типа БЕЖИТ = 1 → Поверхность, БЕЖИТ = 2 → Цель и др.);

в) структура концептов: а) значения предикативных ядер типа *Человек бежит* (их можно считать пропозициональными формами) и б) значения предложений типа *Человек бежит по дороге к старому дереву*, т. е. структуры ситуаций (их можно считать препозициями);

г) абстрактные двигательные концепты: Актив (действительный залог, Рефлексив (средний залог); Транзитив (переходность) и Нетранзитив (непереходность))» [Там же: 306–307].

Все элементы концептуального уровня: концепты, роли, конкретизирующие и ролевые отношения — являются сенсорными единицами, т. е. имеют структуру «визуальный Прототип ← Интерпретация», «поэтому все конструкции, составленные из элементов концептуального уровня — вплоть до значения предложения, — также являются сенсорными» [Там же: 307].

Этот результат дает автору основание постулировать существование сенсорного подъязыка естественного языка, из которого путем метафорических и метонимических трансформаций формируется производный от него язык, т. е. остальная часть языка. Иначе говоря, имеет место следующая диахроническая формула языка:

Естественный язык = Сенсорный подъязык \Rightarrow Производный язык,

где стрелка \Rightarrow обозначает метафорические и метонимические переносы основных значений лексических и грамматических единиц сенсорного подъязыка.

Эта формула позволяет объяснить диахронический процесс усвоения ребенком родного языка. Сначала ребенок усваивает сенсорный язык (его лексику и грамматику), а затем, по мере усвоения сенсорных единиц, он, используя

общечеловеческие механизмы метафоризации и метонимизации, порождает производные единицы. В самом деле, сенсорные единицы легко усваиваются ребенком, поскольку «допускают остенсивное определение — на их референты можно указать жестом, взглядом, кивком головы. Ребенок обращает внимание прежде всего на те предметы и действия, которые привлекают его мать — детская способность к совместному вниманию и общему пониманию текущей ситуации (совместная интенциональность — *shared intentionality*, по М. Томаселло [Томаселло 2011: 104]. К примеру, он глядит на то же действие, на которое смотрит мать, называя это действие сенсорным глаголом. И в ситуационном контексте он догадываться об интерпретации этого действия. Тем самым в сознании ребенка постепенно формируется основное значение услышанного глагола — типичная форма (прототип) и типичная интерпретация (семантическое ядро) увиденного действия» [Кошелев 2016: 37; в печати: 307].